

ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Казармы и крепости. Сравнительный обзор военной архитектуры Венгрии и русского Дальнего Востока

УДК: 72.035

DOI: 10.47055/19904126_2023_4(84)_11

Иванова Алина Павловна

кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды,
Тихоокеанский государственный университет,
Россия, Хабаровск, e-mail: 004249@pnu.edu.ru

Чанади Габор

профессор.
Университет имени Лоранда Этвёша,
Венгрия, Будапешт

Стельмакова Татьяна Олеговна

магистрант высшей школы архитектуры и градостроительства.
Научный руководитель: кандидат архитектуры, доцент А.П. Иванова.
Тихоокеанский государственный университет
Россия, Хабаровск, e-mail: 012862@pnu.edu.ru

Аннотация

Статья, написанная в рамках русско-венгерского проекта «Архитектурный образ Родины: Будапешт-Петербург-Харбин», посвящена проблеме изучения, сохранения и реновации исторических фортификационно-гарнизонных объектов. В венгерском блоке дается обзор крепостной архитектуры и на двух примерах рассматриваются ансамбли казарм конца XIX в., спроектированные лучшими венгерскими архитекторами. Основная цель дальневосточного блока – рассмотреть культурно-историческое значение местных острогов и крепостей, а также выявить роль гарнизонных городков как «цивилизационной матрицы», транслирующей на окраины империи культуру метрополии. Подробно рассматривается тема Порт-Артура и проект «солдатских слободок» вдоль КВЖД.

Ключевые слова:

гарнизонная архитектура, крепости, казармы, архитектура Венгрии, Порт-Артур, Маньчжурия

Barracks and fortresses. A comparative review of the military architecture of Hungary and the Russian Far East

УДК: 72.035

DOI: 10.47055/19904126_2023_4(84)_11

Ivanova Alina P.

PhD. (Architecture), Associate Professor, Architectural Environment Design,
Pacific National University
Russia, Khabarovsk, e-mail: 004249@pnu.edu.ru

Csanádi Gabor

Professor,
Eötvös Loránd University,
Hungary, Budapest

Stelmakova Tatiana O.

Master's degree student.
Research supervisor: A.P. Ivanova, PhD (Architecture), Associate Professor.
Pacific National University.
Russia, Khabarovsk, e-mail: 012862@pnu.edu.ru

Abstract

The article, written within the framework of the Russian-Hungarian project “The Architectural Image of the Motherland: Budapest-Petersburg-Harbin”, is devoted to the architecture of fortifications and garrisons. In the first, Hungarian, part, the role of fortress architecture in the formation of national identity and (using two examples) the architecture of barracks are reviewed. The main goal of the second, Far Eastern Turkestan, part is to identify the role of garrison towns as a “civilization matrix” that transmits the culture of the metropolis to the outskirts of the empire. In the third part, the topic of fortresses and military settlements is addressed using the example of Port Arthur and the project of “soldiers’ settlements” along the Chinese Eastern Railway.

Keywords:

garrison architecture, fortresses, barracks, architecture of Hungary, Port Arthur, Manchuria

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯиК №21-512-23004**Введение**

Статья продолжает цикл текстов, написанных в ходе реализации русско-венгерского проекта «Архитектурный образ Родины: Будапешт-Петербург-Харбин» и опубликованных в «Архитектоне» в 2021–2023 гг. Предвосхищая обычный вопрос – «а почему именно Венгрия?», напомним читателям, что 17 октября 2023 г. на встрече государственных лидеров в рамках Третьего международного форума «Один пояс – один путь» (Пекин, КНР), венгерский премьер-министр подтвердил неизменность дружеских отношений, объединяющих наши страны. Это дает надежду на возобновление научных и культурных контактов. Однако с прискорбием заметим, что венгерская история почти неизвестна нашим соотечественникам. Архитектурный образ этой страны ассоциируется, прежде всего, со зданием Парламента (1885–1904. арх. Имре Штейндль), имеющего весьма косвенное отношение к мадьярской архитектурной традиции и символизирующего скорее претензию Будапешта на роль новой европейской столицы – «Восточного Парижа».

Важной задачей нашего проекта является популяризация венгерской культуры как ретранслятора в германославянский мир гуманистических идеалов раннего Ренессанса, заложивших основы веротерпимости и поликонфессиональности. С другой стороны, смена привычной – петербургоцентричной – точки зрения на восточноевропейскую, помогает более объективно оценить базовые элементы русского культурного ландшафта. В качестве научного метода мы используем компаративистику, сравнивая образы Родины и репрезентации Государства, конструируемые Россией и Венгрией во второй половине XIX – начале XX в. Мы ищем неожиданные параллели и сквозные сюжеты, разворачивающиеся на фоне стремительно движущегося модерна, а также пытаемся осмыслить символические пласты, генерируемые исследуемыми городами и объектами.

Методология. В ходе работы над статьей применялся комплексный методологический подход, основанный на компаративистике. Наша цель – сравнение образов Родины и репрезентаций государства, конструируемых Россией и Венгрией в конце XIX – начале XX в. Этот подход позволил нам исследовать как различия, так и неожиданные параллели в архитектурном наследии двух стран. Также использовался интердисциплинарный подход, сочетающий элементы истории, архитектуры, культурологии и социальной географии. Такой подход позволяет более глубоко исследовать и анализировать архитектурное наследие, его влияние на формирование культурного ландшафта и социальные процессы.

Внимание уделялось следующим ключевым аспектам:

Межкультурный диалог и сравнение, учитывающий уникальные исторические и культурные особенности Венгрии и России. Этот подход позволяет не только сравнивать архитектурные стили и традиции, но и понимать, как эти элементы отражают более широкие социальные и исторические процессы в обеих странах.

Анализ социальных и исторических контекстов, в которых возникла и развивалась военная архитектура. Это включает изучение исторических событий, общественных настроений, политических идеологий, оказавших влияние на проектирование и использование военных сооружений.

Включение местных и глобальных перспектив. Мы стремимся понять, как местные традиции, условия и потребности влияли на архитектуру, а также как глобальные архитектурные тенденции и политические события формировали местные практики и выбор военных строительных стилей.

Систематический анализ и критическая оценка исторических источников, архитектурных планов, фотографий и других документов. Это помогает воссоздавать историческую реальность, понимать изменения в архитектуре и оценивать их влияние на современное общество и культуру.

В целом наш методологический подход направлен на глубокое и всестороннее понимание военной архитектуры в культурном и историческом контексте Венгрии и России, что позволяет не только расширить академические знания в этой области, но и предоставить новые перспективы для понимания культурной идентичности обеих стран.

«Архитектура Марса». В предыдущих текстах рассматривалась дихотомия «город Марса» (Петербург, Порт-Артур) и «город Гермеса» (Будапешт, Дальний), отражающая дихотомию дворянство/купечество, во многом (по мнению историка русской политической мысли А.А. Тесля) тождественную делению общества на «служилые» и «торговые» состояния. Условная дефиниция «архитектура Марса», используемая в этой статье, описывает архитектурно-градостроительное наследие силовых ведомств от зданий офицерских собраний и гвардейских соборов на столичных проспектах до гарнизонов и фортов в Голодной степи или глухих распадках Сихотэ-Алиня. Это понятие включает, помимо оборонительных сооружений и гарнизонных построек (в том числе культовых), символику военных триумфов: арки, колонны, мемориалы, арматуру в декоре, трофейные орудия как элементы средового дизайна и проч. Термин «военная архитектура» имеет много обременительных коннотаций и не учитывает «парадную» составляющую, вышеприведенная конструкция «архитектурно-градостроительное наследие силовых ведомств» слишком громоздка, поэтому мы предлагаем в качестве рабочего термина «архитектуру Марса», понимая ее дискуссионность и сомнительность с академической точки зрения.

«Архитектура Марса» с петровских времен была основным сюжетом русского градостроительства и зодчества, золотой Александровский век русской культуры полностью посвящен славе русского оружия, классический Петербург являлся материальным воплощением идеи служению Государству Российскому. Под Петербургом впервые были построены «красные казармы», такие же «красные казармы» являются самым узнаваемым и неотъемлемым элементом дальневосточного культурного ландшафта. Краснокирпичные военные городки, возведенные вдоль Транссиба для переброски войск в Маньчжурию, сшивали красными стежками ткань империи.

«Архитектура Марса» объединяет совершенно разные категории: фортификационную (остроги, цитадели, крепости и замки), гарнизонную (казармы, штабы, пакгаузы, собрания, военные госпитали, полковые соборы и часовни и проч.), парадную (очевидный пример – Санкт-Петербург), мемориальную. В этой статье рассматриваются крепости как наиболее узнаваемые, иконические составляющие культурного ландшафта и Венгрии, и Тихоокеанской России, гарнизоны – как основа расселения окраин империй, а также затрагивается проблема использования исторических объектов, утративших свою первоначальную – военную – функцию.

Крепости и замки – основа национальной венгерской архитектуры, более того – основа национальной идентичности. Если в России архитектурный образ Родины прежде всего ассоциируется с православной церковью в русском стиле, в Венгрии из-за поликонфессиональности культовые здания не опознаются как «национальные» и «народные». В любом венгерском городке рядом стоят: барочная католическая базилика, лютеранская романо-готическая кирха с шатровыми завершениями башен вестверка и условно «ориентальная» синагога. Из этой стилистической многовекторности трудно суммировать универсальный архитектурный символ, воплощающий идею родной земли. Поэтому образ Родины для мадьяр манифестируют замки и крепости, заложенные римскими легионерами, достигшие расцвета в раннем Ренессансе, разрушенные во время борьбы с османами и Габсбургами, пострадавшие от бомбардировок Второй мировой войны, но вновь поднявшиеся из руин. Сотни замков, раскиданных по словацким, словенским, сербским и австрийским землям, входивших до Трианонского договора (04.06.1920) в состав Венгрии, остаются важнейшими национальными символами (подобно тому, как память о крепости Порт-Артур, в мае 1955 г. переданной правительству КНР, до сих пор прочно укоренена в русском культурном поле). Список замков на территории современной Венгрии состоит из 300 позиций; заметим, что понятие Vár (замок) помимо каменных оборонительных сооружений включает деревянные объекты – фёльдхаломвары (Földhalomvár) и паланки (Palánk), которые являются аналогами русских острогов, а также «земляные замки» (Földvár), напоминающие глинобитные китайские импани, широко распространенные в Маньчжурии времен русско-японской войны.

В Венгрии с 2010 г. работает национальная «замковая» программа (Széchenyi 2020), в ходе которой реконструируются 30 объектов, считающихся «оплотами венгерской и европейской культуры». Полностью завершена реконструкция в замках гг. Эгер, Эстергом и Весприм (который был выбран в 2023 г. культурной столицей Европы). В программе специально оговаривается, что ее целью является, помимо «физической

реабилитации» замков, их «духовное возрождение», поэтому замки должны стать важнейшими общественно-культурными пространствами и центрами притяжения как для местного населения, так и для туристических потоков. Их внутренние дворы и постройки используются как многофункциональные общественные пространства, включающие весь обычный туристический набор: музеи с постоянной экспозицией, временные выставки, фудкорты и кафе, сувенирные магазины, концертные площадки, кинозалы и проч.

Летом 2023 г., благодаря любезной помощи венгерских коллег, мы обследовали несколько знаменитых крепостей и замков на территории Словакии (Спишский град – замок Сепеш) и Венгрии (Мишкольц, Эгер, Эстергом, Весприм, Тата, Вышград). Кратко суммируем свои наблюдения. Прежде всего – крепостные сооружения действительно являются мощным магнитом для внутреннего (семейного) туризма. Несмотря на то, что от подлинных исторических объектов сохранились лишь фундаменты и небольших фрагменты, а сами музейные комплексы со всеми бастionsами, барбаканами, навесными галереями, рвами, подъемными мостами и смотровыми площадками выстроены практически с нуля, это никого не смущает. Более того, включение в структуру исторических объектов подчеркнуто модернистских элементов придает локациям актуальность, делает их модными. На притягательность объектов работает не подлинность архитектуры, а хорошо легендированная «память места», их истории прочно связаны с историей страны и ключевыми героями государственного эпоса.

Самый знаменитый венгерский замок – Вышград, расположенный на высоком утесе в излучине Дуная на полпути от Будапешта в Эстергом, сыграл важнейшую роль в истории страны. С 1323 по 1408 г. он являлся столицей Венгерского королевства, а вышградские укрепления последовательно перестраивали легендарные правители Венгрии. Замок на высокой скале появился при правлении династии Анжу-Капетингов (1212–1299), потомками которых являлись последующие венгерские короли. За сто лет владения Венгрией анжуйцы успели возвести множество замков, живописные силуэты которых, венчающие холмы и вершины, стали характерной чертой венгерского пейзажа. Так как третий дом Анжу правил Сицилийским, Неаполитанским, Венгерским и Польским королевствам, двор Роберта Кароя (1288–1342), построившего в Вышграде королевский дворец, служил проводником итальянской культуры. Сегодняшний облик замок приобрел после реставрации 2017 г. в рамках Национальной замковой программы.

Более всего Вышгород известен как резиденция Людовика Венгерского, полувековое (1326–1382) правление которого послужило источником вдохновения для национального романтизма середины XIX в. Людовик Венгерский вел активную внешнюю политику, участвуя в борьбе анжуйской династии за неаполитанский трон. Считается, что тесные связи с Италией в этот период оказали существенное влияние на становление венгерской культуры. Венгерские романтики сравнивали Вышградский двор с аквитанским, считая его центром куртуазной рыцарской культуры. Образ короля Людовика в становлении венгерского государственного мифа сыграл такую же роль, как образ короля Артура для британского национального романтизма, Вышград в этой традиции рассматривается как венгерский Камелот. От исторического замка осталось несколько подлинных камней, но бесконечная вереница паломников поднимается на вершину, чтобы увидеть легендарный вид на излучину Дуная, тот же самый, что видели из бойниц великие венгерские короли – строители государства.

Замок Сепеш (венгр. Szepesi Vár) (рис. 1), расположенный сегодня на территории Словакии, – прекрасный образец венгерского фортификационного зодчества, один из крупнейших замков Центральной Европы (самая старая часть датируется XI–XII вв.), в 1304 г. замок перешел к венгерским королям от Анжуйской династии (1212–1299) и перестраивался/расширялся до конца XIV в.; башни замка имеют характерные для анжуйских крепостей очертания. В 1780 г. замок полностью выгорел (из-за пожара, устроенного пьяными солдатами, варившими в подвале бренди) и обрушился. Помимо прочего погибли ренессансные интерьеры. В 1993 г. замок был включен в список всемирно-исторического наследия ЮНЕСКО и отреставрирован.



а) общий вид



б) башни анжуйской династии



в) реконструкция внутреннего двора

Рис. 1. Венгерский замок Сепеш (Спишский град). Словакия. Фото Г. Чанади



Рис. 2. Вид со словацкого берега Дуная на панораму г. Эстергома с замком.
Фото Г. Чанади



Рис. 3. Вид из бойницы замка в Эгере. Фото Г. Чанади

Эстергомская крепость (рис. 2), контролирующая переправу через Дунай, была основана римскими легионерами и являлась ключевым опорным пунктом Великой Моравии и княжества Нитра. Для венгров Эстергомский замок это, прежде всего, место рождения в 976 г. главной фигуры национального пантеона – короля Иштвана (святого Стефана). Панорама Эстергома украшает самую крупную венгерскую купюру (10 000 форинтов). Крепость была разрушена во время османской оккупации, ее сегодняшний облик – результат реконструкции практически «с нуля».

Цитадель г. Эгер (рис. 3) – национальный символ героического сопротивления османской оккупации. Пятимесячная турецкая осада крепости в 1552 г. описана в одном из самых популярных венгерских романов «Звезды над Эгером» (1899), автор романа – Геза Гардони похоронен в Эгерской крепости. В 1596 г. турки все же взяли крепость и то, что уцелело после оккупации, взорвали в 1701 г. австрийцы в ходе подавления антигабсбургского восстания.

Крепость Диошдьёр в г. Мишкольц (рис. 4). Драматичная судьба этой, выдающейся в архитектурном отношении, цитадели, повторяет судьбы всех великих венгерских крепостей: основана в XIII в., в XVI в. разрушена турками, в начале XVIII в. (1706) – окончательно уничтожена императорскими войсками. Реставрационные работы, начатые в 1950-е гг., продолжают до сегодняшнего дня.

Из этого краткого обзора понятно, что современный облик пяти известнейших венгерских замков (не говоря об историческом сердце венгерской столицы – Будапештской крепости) имеет весьма косвенное отношение к исторической подлинности, но они являются настолько известными брендами, что, вероятно, для туристов было бы довольно и контуров из дронов, светящихся на вершинах легендарных холмов, главное – хорошо рассказанные героические истории, с детства знакомые любому венгру. Примечательно, что никого не смущает, то, что знаменитые замки не справились со своей прямой функцией, были захвачены (причем неоднократно) и разрушены оккупантами.

Венгерский опыт использования замков как локальных брендов и опорных точек для развития внутреннего туризма интересен и сам по себе, и применительно к Дальнему Востоку, где именно «архитектура



Рис. 4. Мишкольц. Венгрия. Реконструкция замка. Фото Г. Чанади

Марса» являлась основой культурного ландшафта. В отличие от материковой России с разнообразными архитектурными памятниками – от монастырей до дворцово-парковых ансамблей – самыми романтичными и хорошо легендированными историческими объектами на восточных окраинах империи являются остроги (Якутский, Иркутский, Албазинский, Охотский и проч.). В качестве примера использования бренда «русский острог» для конструирования локальной идентичности можно привести Петропавловск-Камчатский, где в 2018–2020-х гг. был построен декоративный «острог», сформировавший городской фасад со стороны акватории. Фрагменты стены Албазинского острога реконструированы в центре Благовещенска. В Якутске музеефицированный острог является главной культурно-исторической достопримечательностью, а характерные очертания острожной башни служат городским логотипом. Фрагменты иркутского острога с въездной башней воспроизведены в историко-ландшафтном парке «Усадьба Волга» под Харбином, – это, на наш взгляд, самый удачный пример монетизации бренда «русский острог». Не менее важна для «сшивки» дальневосточных пространств тема крепостей.

Русские крепости. Очевидное доказательство важности крепостного зодчества в истории нашего Отечества – само слово «город», образованное от общеславянского «град». «Град», подобно североамериканскому «бургу», буквально означает замок. Другое дело, что, так же, как и в Венгрии, легендарные русские крепости и замки строили не автохтоны, а приглашенные иноземцы (два самых известных примера – московский Кремль и Албазинский острог). Крепости и крепостные стены изображены на многих русских гербах – от Ивангорода до Омска и Челябинска. Крепости являются сеттингом двух главных русских романов, не входящих в петербурго-московский метанарратив. В Оренбургской крепости служил Петруша Гринев (А.С. Пушкин «Капитанская дочка», 1836), в крепости Таш-Кичу (Каменный брод) вместе со штабс-капитаном Максимом Максимовичем нес службу прапорщик Григорий Печорин (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени», 1837–1839).

Большинство русских городов в Туркестане (Ташкент, Асхабад, Новый Маргелан, Чарджоу, Верный и проч.) и опорные пункты Тихоокеанской России (Петропавловск-Камчатский, Николаевск-на-Амуре/Чныррах, Владивосток, Порт-Артур) были основаны как крепости. Лучше всего исследована Владивостокская крепость; результаты многолетней архивной работы представлены в монументальном четырехтомнике (Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И., Воробьев С.А, Гаврилкин Н.В., Владивосток, Дальнаука, 2006–2016). Чныррахской крепости посвящена монография М.И. Горновой «Амурская твердыня» [1]. Существует целый пласт художественной и мемуарной литературы, посвященной обороне Петропавловска-Камчатского и Порт-Артура.

Дальневосточные крепости – это не архитектурные, а ландшафтные объекты, не имеющие (в отличие от башен острогов) узнаваемого, выразительного силуэта. С другой стороны, огромные масштабы укреплений дают возможность организации прогулочных и общественных зон. Как и в рассмотренном выше «острожном кейсе» лучше всего с брендингом фортификационной темы справляется Петропавловск-Камчатский. Никольская сопка, сыгравшая ключевую роль в Петропавловской обороне 1854 г., является сегодня главным общественным пространством города, где типичные элементы современной парковой архитектуры (скамьи-качели, «висящие» смотровые площадки, павильоны и артефакты) интегрированы в природно-исторический комплекс с памятниками героям обороны, мемориалами, орудийными батареями и проч. Подпорные стенки вдоль дороги на сопку украшены панно с изображением сцен Петропавловской обороны, этот многометровый фриз разворачивается в такт подъему и служит своеобразной героической увертюрой перед выходом на вершину, откуда открывается захватывающая панорама Авачинской бухты.

В отличие от Петропавловска-Камчатского, крепости Николаевска-на-Амуре и Владивостока не участвовали в сражениях и не имеют героического бекграунда, но сам факт их строительства воспрепятствовал возможным эксцессам со стороны англо-французских, американских и японских эскадр. Чныррахская крепость (1855), расположенная в пяти километрах от Николаевска, на склонах сопки, обращенных к Амурскому лиману (не менее прекрасному, чем упомянутая чуть выше Авачинская бухта) и оснащенная пушками, снятыми с фрегата «Паллада», может стать конечным пунктом теплоходного круиза по Амуру («Чеховский маршрут»). Туристический потенциал этой локации пока совершенно не используется, изучение крепости ведется силами местных энтузиастов-краеведов.

Огромная подземная Владивостокская крепость (1889–1918), значительная часть которой расположена на о-ве Русский, досконально изучена, и – в отличие от Чныррахской крепости – хорошо известна как основная дальневосточная достопримечательность. Однако ее посещение сопряжено со значительными организационными трудностями, хотя путешествие по бесконечным туннелям и спуск в многоэтажные подземелья оставляет незабываемые впечатления. Проекты превращения крепости в общественное пространство регионального и федерального уровня обсуждаются десятилетиями, туристический потенциал этого объекта весьма многообещающ. Владивостокская крепость может стать главным пунктом в морском историческом круизе «Тихоокеанский рубеж: от Камчатки до Квантуна».

Мы начинали изучение Порт-Артура в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ [2, 3] и имели возможность посетить Люйшунькоу (китайское название города) в июне 2023 г. Выше приводился интересный феномен венгерских крепостей, большинство которых были захвачены врагами и разрушены, что совершенно не мешает их культовому статусу. Итоги русско-японской войны до сих пор вызывают resentment, а топонимы Порт-Артур и Цусима ассоциируются с национальной катастрофой. Нам представляется целесообразным поменять вектор «ляодунского нарратива» на более позитивный и рассматривать Порт-Артур и Дальний как памятники русской культуры. Границы с КНР открылись, турпотоки растут и возможна организация «маршрут памяти» в Порт-Артур (который сегодня является зеленым морским курортом). У немцев популярны путешествия в германскую колонию Циндао (расположенную неподалеку от Квантунского полуострова). Возможно, и Порт-Артур станет для русских важным местом культурного туризма.

«Город Марса» и «город Гермеса» – Порт-Артур и Дальний. Большой интерес для изучения истории Порт-Артура представляют многочисленные публикации генерал-лейтенанта Георгия Ивановича Тимченко-Рубан (1861–1917, Монте-Карло), постоянного члена Крепостной комиссии, отвечавшего за инженерные приемки Главного военно-технического управления. Говоря о необходимости создания базы Тихоокеанской эскадры в «теплых водах», Тимченко-Рубан сообщает о том, что «до занятия Артура большинство наших военных судов зимовало не в отечественном порту, а в японском, в Нагасакской бухте, в глубине которой даже образовалась «русская деревня (Иноса) с различными казенными постройками» [4]. В Нагасаки и сегодня есть информационный стенд, посвященный «русской деревне», которая существовала там в конце периода Эдо – начале периода Мэйдзи (1875–1904); тема аренды русской эскадрой Иносы в контексте «запутанных отношений между Россией и Японией» подробно исследуется в статье Daigo Ryuma, опубликованной в журнале «Славистика» (スラヴ研究, 2021, № 68).

Тимченко-Рубан с горечью пишет о том, что, готовясь к будущей войне, Япония заблаговременно оборудовала множество первоклассных морских баз, военных портов и портов-арсеналов (Йокосуко, Коре, Сасебо, Майдзуру, Муроран и проч.), в то время, как у России было всего два – Владивосток и Порт-Артур – «совершенно отдельных друг от друга самостоятельных военных порта-арсенала, из которых ни один не может рассчитывать на помощь или содействие другого» [4]. Говоря об «оборотливости» администрации Порт-Артура, он приводит множество интересных подробностей об организации там строительных работ, упоминая, в частности, что «в конце 1900 г. Тяньцзинский арсенал, представляющий собой богатейшее депо всяких материалов, был объявлен военной добычей союзных европейских отрядов, и когда всякий черпал из него, что хотел, артуровская строительная администрация решила и в свою очередь отведать от дармового пирога. На свой страх и риск зафрахтовала она океанский пароход, направила его в Тяньцзинь, нагрузила всяким листовым, болтовым, полосовым и иным железом, свинцом, оловом и проч.» [4].

Генплан Порт-Артура и эскизы главных зданий города были разработаны А. фон Гогеном, подробно освещавшим ход своей работы над «восточным проектом» на страницах профессиональной прессы («Зодчий», «Строитель»). Самый известный (среди историков дальневосточной архитектуры) текст о Дальнем принадлежит автору городского генплана Казимиру Сколимовскому, который опубликовал в трех номерах «Зодчего» (1904) огромные очерки о блистательных перспективах Дальнего, послужившие основой для исследований современных историков (первой привлекла внимание к фигуре Сколимовского С.С. Левашко). Интересно сравнить этот комплементарный подход, преобладающий в современном академическом дискурсе, с точкой зрения русского офицера. С военной прямотой генерал, в написанной по горячим следам брошюре «Нечто о Порт-Артуре» (СПб.1905), режет правду: «Поистине, Дальний сослужил злую службу русским интересам на Дальнем Востоке», так как «неготовность крепости и военного порта в Артуре к открытию военных действий явились прямым следствием несвоевременного приступа к устройству на Квантуне коммерческого порта». Подробно разобрав гибельную финансовую политику, проводимую в интересах Дальнего, генерал заключает: «Но и вне зависимости от кредитов, Дальний послужил к преждевременному падению Артура и к уничтожению нашего тихоокеанского флота, ибо с занятием Дальнего наш враг получил такой козырь, каким не пользовалась ни одна осадная армия с сотворения мира. Мы сами устроили для врага превосходную базу невдалеке от объекта, на который Япония точила зубы с момента кассации Симоносекского договора... Дальний явился для японцев базой не только в области их операции противу Артура. Враги наши превратили этот роковой город и в главную базу для полевой своей армии... Можно ли удивляться распространенному мнению о том, что японцы, решившие померяться с русскими оружием еще в 1896 г., терпеливо ожидали окончания постройки Дальнего». Архитектурный образ Дальнего боевой генерал оценивает весьма скептически, обвиняя его строителей в слепом заимствовании у иностранцев. «Административный городок, который мне удалось увидеть почти уже в законченном виде, представлял собой нечто достопримечательное в архитектурном отношении. Все его постройки, без каких-либо исключений, были возведены в готическо-китайском стиле и отличались крайней вычурностью и претенциозностью. Многогранные остроконечные

крыши, покрытые серою черепицей и унизанные по всем граням бетонными гребнями с эмблематическими китайскими изваяниями, огромные, сильно выступавшие наружу слуховые окна с такими же украшениями, колоссальные, принаряженные на китайский образец дымовые трубы, остроконечные щипцовые стены, зачастую поднимающиеся кверху значительно выше конька крыш – все это, с одной стороны, резало русский глаз до физической боли, а с другой стороны, наводило на мысль о том, что строители, возводя такие здания в крае, где свирепствуют тайфуны, не соразмеряли своей фантазии с грозными элементами стихии. Все квартиры служащих, даже самые маленькие в 2–3 комнаты, были устроены в два этажа, дабы поднять выше спальни и уберечь отдыхающих обывателей от москитов, якобы переполнявших по ночам помещения в нижних этажах. В действительности, двухэтажность квартир, совмещенная с изрядными затратами, а также со значительными и подчас весьма досадными неудобствами, представляет собой сколок с иностранных приемов, практикуемых в таких областях на побережье Тихого океана, в котором москит и в самом деле водится в изобилии».

Далее Тимченко-Рубан сетует, что «в деле разбивки европейского города усматривается также слепое заимствование приемов иностранцев, заимствование, которое вообще легло красной нитью на всю деятельность строителей Дальнего» и скептически комментирует градостроительные приемы, предложенные Казимиром Сколимовским: «Наиболее важные городские сооружения предлагалось возводить в центрах, от которых улицы разбивались по радиусам: это-де последнее слово иностранного градостроительства. От заморских краев отставать не приходилось и нечего было задумываться над тем, что такая распланировка города приведет к наличности на перекрестках тупых и острых углов, крайне неблагоприятных для устройства домов. Весьма назидательно и то обстоятельство, что в русском городе, население которого, как рассчитывали, должно было в ближайшем будущем достигнуть сотен тысяч жителей, строили только четыре церкви и при этом только одну русскую и три иноверческих – католическую, лютеранскую и англиканскую. В общем, строители Дальнего как бы чурались во всем русской самобытности, чурались даже и в таких случаях, когда отечественные приемы зодчества без вреда для дела могли привести к существенной экономии» [4].

Рассмотрев тему крепостей и коллизию между «городом Марса» и «городом Гермеса», перейдем к гарнизонной архитектуре. Как и в «крепостном кейсе», для сравнения начнем с венгерского опыта строительства и реновации казарм.

Военные городки и казармы, пришедшие на смену замкам и крепостям – относительно позднее явление, связанное с созданием регулярных армий эпохи Просвещения. Так как военные принадлежали к высшему сословию («кшатрии»), а легендарные венгерские гусары являлись красой и цветом нации, объемно-планировочное решение кавалерийских казарм повторяло приемы европейских дворцовых ансамблей. Развернутые по горизонтали, протяженные корпуса с большими окнами, высокими шатровыми кровлями и четко зафиксированными осями симметрии декорировались в безордерном классицизме или схематизированном барокко. Последняя попытка оперировать уходящей эстетикой историзма связана с именем великого венгерского архитектора Алайоса Хаусманна (Alajos Hauszmann, 1847–1926), русским аналогом которого можно назвать А.И. Штакеншнейдера. Он спроектировал для 11-го гусарского полка, расквартированного в г. Сомбатхее классицистский дворец, ожидаемо оказавшимся слишком дорогим. Проект переработал Дьюле Партос (1845–1916), однокурсник Хаусманна и Одеона Лехнера по Берлинскому



Рис. 5. Сомбатхей. Венгрия.
Руинированная казарма 11-го
гусарского полка.
Арх. Д. Партос, 1888



Рис. 6. Сомбатхей. Венгрия.
Казарма 11-го гусарского полка, 1888

Техническому университету. На участке площадью в 20 га Партос разместил 10 корпусов общей площадью – 14 000 м², предназначенных для офицеров, унтер-офицеров, экипажа, госпиталя, конюшни, кухни, столовой, магазина, пакагаузов и проч.(рис. 5, 6).

Годом раньше (1886/87) вместе с Хаусманном и Лехнером Дьюле Партос уже проектировал комплекс кавалерийских казарм им. кронпринца Рудольфа в Кечкемете (рис.7). Эта единственная известная работа с участием Одеона Лехнера для военного ведомства. Оба ансамбля – и в Сомбатхее и в Кечкемете – повторяют классическую дворцовую планировку с большим внутренним двором-курдонером, окруженным по периметру корпусами разной высоты, что создает четкую пространственную иерархию объемов. Главные двухэтажные корпуса, увенчанные высокими двускатными крышами и шатрами, напоминают французские дворцы позднего Ренессанса, а точнее – вариации beaux-arts на эту тему. (Мы склонны думать, что именно парижская школа Изящных искусств была первоисточником, как венгерского, так и русского национального архитектурного возрождения, наиболее узнаваемым символом которых являлись характерные высокие шатровые завершения одинакового рисунка). Над главным входом сохранился лепной декор с изображением военных трофеев, регулярный парк с центральной аллеей практически уничтожен, но уцелели парадные ворота с кованой решеткой. Судя по фотографиям, объемно-пространственная композиция двухэтажного корпуса выступающей центральной частью и боковыми ризалитами практически идентична ОПК приморских офицерских казарм (Новокиевское, Раздольное, о-в. Русский). Так как кавалерийские казармы в Кечкемете связаны с именем Одеона Лехнера (чей статус в венгерской архитектурной иерархии примерно такой же, как у Ф.Л. Райта в США), разработан проект реконструкции ансамбля с целью перепрофилирования под профессионально-техническое училище. Частично реконструированные казармы в Сомбатхее также используются для образовательной функции – там открылась Вальдорфская школа.

Проблема брошенных и бесхозных казарм XIX – начала XX в., связанная с модернизацией армий, типична не только для Венгрии, но и для всех европейских стран. Города, где сохранились руинированные гарнизоны (в том числе и Сомбатхей), присоединяются к проекту «MAPS — Military Assets as Public Services» (Военные активы как государственные услуги), реализуемые на средства ЕС. Целью проекта является реновация пустующих военных объектов, их полноценное включение в жизнь города. Для этого привлекаются самые широкие слои населения от городской администрации и местного бизнеса до музейных работников и городских активистов.

Нам кажется, что этот опыт заслуживает внимания. В Приморье разрушаются десятки, если не сотни прекрасных краснокирпичных казарм, которые могли бы стать новыми образовательными, культурно-туристическими центрами, хостелами и прочими элементами индустрии гостеприимства.

Дальневосточный гарнизон как «культурная матрица» метрополии

Если тихоокеанские крепости неоднократно являлись предметом рефлексии, то роль гарнизонной архитектуры, как основы дальневосточного культурного ландшафта пока не осмыслена. Написаны истории

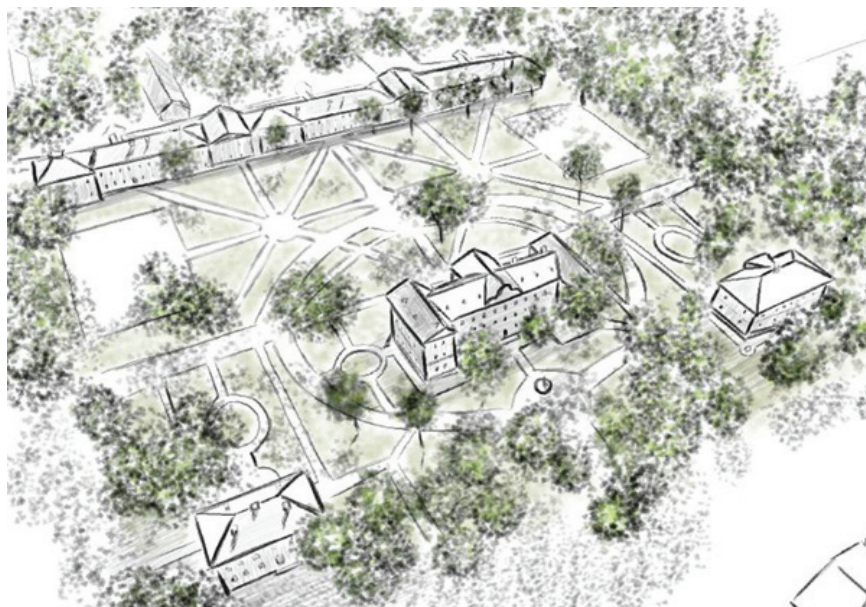


Рис.7. Ансамбль кавалерийских казарм имени кронпринца Рудольфа в Кечкемете. Графическая реконструкция Т. О. Стельмаковой

развития культовой, торговой, железнодорожной архитектуры Тихоокеанской России, изучен восточный модерн и конструктивизм, но самая важная – военная – составляющая до сих пор не являлась предметом научного интереса, что не позволяет сформировать объективную картину развития региональной архитектуры. Выявление, систематизация, изучение и популяризация архитектурно-градостроительного наследия, связанного с военной темой, помимо безусловной научной ценности, будет способствовать росту патриотического воспитания дальневосточников и откроет новые направления «культурного» туризма. Опыт успешного освоения территорий, вновь присоединенных к нашему государству, более чем актуален сегодня, а выявление ключевой роли военного ведомства в этом процессе позволит по-новому взглянуть на развитие региональной и отечественной архитектуры в целом. Нам кажется перспективной попытка конструирования новой модели развития дальневосточной архитектуры, рассматриваемой, прежде всего, как оформление территориального расширения Российского государства и способ включения новых земель в русскую цивилизацию.

Открытие, присоединение к Российскому государству и последующее освоение Тихоокеанской России осуществлялось «служилыми людьми». Новые земли заселялись поротно и основной единицей расселения являлся гарнизон. Гарнизонная архитектура, как материальное свидетельство верной службы русских солдат и офицеров на самых дальних рубежах Отечества, представляется не менее достойным объектом исследования, чем купеческие особняки и региональный модерн. Дальневосточные казармы, штабы, офицерские собрания и Дома офицеров предлагается рассматривать в контексте высокой русской (петербургской) культуры.

Современное состояние проблемы. Существует мощный и постоянно расширяющийся корпус англоязычных текстов, посвященный архитектурному наследию англо-саксонского, французского и германского колониализма, а также русскому присутствию на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Прежде всего сошлемся на хорошо известную специалистам представительную коллекцию исследований о колониальной архитектуре в Азии «От Харбина до Ханоя» [5], и книгу Эдварда Денисона и Гуан Ю Рена о российском и японском архитектурном влиянии в Маньчжурии [6]. Появляется все больше работ, описывающих специфические черты «континентального колониализма» и сухопутных империй [7], и пытающихся выявить (или, более вероятно, сконструировать) исторический смысл расширения Российской империи [8]. Стоит упомянуть о растущем интересе к категории «переселенческой колонизации» (settler colonialism [9, 10]), через которую рассматривают, в том числе освоение российского фронта [11].

О Петербурге как «городе Марса», перенасыщенном триумфальной символикой, мы говорили ранее [12]. Однако нам кажется, что из-за ледяного сияния Петербурга окраины империи до сих пор остаются в «слепом пятне». В качестве отправной точки рассуждения примем гипотезу о том, что куда бы ни пришла империя, она приносит свой способ организации пространства. Сравнивая структуры расселения на новых территориях, присоединенных к Российскому государству во второй половине XIX – начале XX в. мы видим, что города основывались как гарнизоны, причем офицеры и военные инженеры транслировали в новые восточные столицы петербургский код, а колонисты-аграрии расселялись по деревням, хуторам и усадьбам, воспроизводя в Приморье культурные паттерны «точек выхода» (переселение шло в основном из южно-русских и малороссийских губернии, где из-за демографического взрыва ощущался резкий земельный дефицит). Вот как описывал быт приамурских переселенцев Антон Петрович Сильницкий (1864–1912), работавший с 1896 г. чиновником при канцелярии Приамурского генерал-губернатора, а с 1897 по 1910 – редактором газет «Приамурские ведомости» и «Приамурье»:

«Бездорожье, огромные расстояния между населенными пунктами, многие деревни не имели мельниц, только потому, что не было возможности подвезти мельничных камней; не имея мельниц, уссурийский крестьянин, имея массу зерна, не имел муки, и, следовательно, хлеба» [13].

«Из 30 семей в Васильково только 14 построило себе малороссийские мазанки (киевские переселенцы), а остальные 8 семей живут в землянках... Постройки в д. Духовской малороссийского типа, в большинстве крыты соломой, 5 домов крыты железом. Из 60 дворов 14 семей, не успевших отстроиться, живут при других семьях, имеющих двор – это обычная практика. Ни церкви, ни школы в Духовском пока нет... Устраивают водяные мельницы на плавучих баржах... В Александровке из 146 дворов только 14 крыты железом, остальные соломой» [13]. На этом фоне военные городки с развитой инфраструктурой, с ровными шоссированными дорогами, с регулярной планировкой и кирпичной застройкой, украшенной живописными фронтонами, многоярусным кирпичным декором, башенками-пинаклями и проч., воспринимались как образцы высокой культуры, транслируемые из метрополии на окраины империи. Надо отметить, что и сегодня краснокирпичные гарнизонные постройки, сохранившиеся по всему Дальнему Востоку от Николаевска-на-Амуре до Уссурийска и Раздольного, являются самыми выразительными элементами культурного ландшафта.

Универсальность гарнизонной матрицы, восходящей к римским лагерям, позволяла моделировать понятный привычный мир, замкнутый контур порядка, среди окружающего хаоса.

В качестве примера градостроительной политики Российской империи на новых восточных территориях, рассмотрим проект организации солдатских слободок в полосе отчуждения КВЖД. Источником информации явилась статья в «Вестнике Маньчжурии» [14] (Харбин, 1930), подписанная неким Ф.Б. Сквирским (найти информацию о нем не удалось, но хорошо известен Борис Евсеевич Сквирский – представитель дипмиссии ДВР в США, не исключено, что автор рассматриваемой статьи был его сыном). Вероятно, Сквирский имел доступ к серьезным архивам, потому что он ссылается на «широкий план военной колонизации полосы отчуждения... под предлогом недостаточной защиты железной дороги», датируемый 1896 г. Для реализации этого плана был необходим обширный земельный фонд, поэтому Витте, оперативно появившийся в Харбине, настаивал на отчуждении у китайцев значительных территорий – по 600 десятин на каждой южной станции и по 3000 десятин на каждой станции востока и запада. Приехавший в Петербург генерал Гродеков, ссылаясь на катастрофические последствия боксерского восстания, настаивал на необходимости «густо заселить полосу отчуждения русским элементом», способным «защитить линию от нападений».

В качестве дополнительного аргумента служило указание на проводимую Цинским правительством политику ускоренного интенсивного заселения китайцами еще недавно совершенно пустынной Маньчжурии. Русское военное ведомство решило сыграть на опережение и спешно заселять проблемные территории забайкальскими казаками, считавшимися благонадежными... Наряду с казачьими поселениями, было решено организовывать и т.н. «солдатские слободки». 30.07.1903 г. Министром финансов было утверждено Положение о солдатских слободках (предназначенных для семейных солдат в бытность их на службе) и поселках нижних чинов Заамурского округа, уволенных в запас, но пожелавших остаться в Маньчжурии на участках, принадлежащих обществу КВЖД».

Таким образом два главных сюжета русского фронта – военный и железнодорожный – переплелись в одном проекте, на который предполагалось ассигновать по 200 000 руб. ежегодно. Участки должны были предоставляться «русским подданным в бесплатное пользование на 10 лет». «Так хитроумно заманивало царское правительство «нижних чинов» в свои колонии в Маньчжурии, – негодует автор Сквирский – так подготавливался военный авангард для присоединения Желтороссии к Империи!». События 1904–1905 гг. приостановили реализацию проекта, но «после войны с Японией и сокращением русских военных сил в Маньчжурии по Портсмутскому договору» солдатские слободки стали нужны «царскому империализму более чем раньше». Однако из-за принятого между СССР и Китаем Мукдэнского соглашения план военной колонизации полосы отчуждения сорвался, – радостно завершает свой памфлет Сквирский, резюмируя напоследок: «как солнце в капле воды, так и весь характер царской внешней политики вообще и в Маньчжурии в частности, отразился в этом проекте» [14].

Заключение

Мы сделали попытку на примерах Венгрии и Тихоокеанской России рассмотреть «архитектуру Марса» как важнейшего элемента национального культурного ландшафта. Замки, крепости и казармы не менее важны для конструирования архитектурного образа Родины, чем монастыри и дворянские усадьбы. Венгерский опыт реновации фортификационных объектов и превращение их в «точки притяжения» вряд ли масштабируем на гигантские территории ДВФО, но, безусловно, интересен. Еще более актуальным нам представляется проект «MAPS — Military Assets as Public Services» (Военные активы как государственные услуги) целью которого является реконструкция и перепрофилирование руинированных исторических казарм.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горнова, М.И. Амурская твердыня. Историко-ландшафтные исследования Николаевской-на-Амуре крепости, памятника фортификационного искусства / М.И. Горнова. – Хабаровск: ТОГУ, 2021. – 325 с.
2. Иванова, А. П. Русские военные инженеры Порт-Артура / А.П. Иванова // Проект Байкал. – 2022. – № 19(73). С. 142–149. – DOI: <https://doi.org/10.51461/pb.73.25>
3. Иванова, А. П. Военные инженеры и А. И. фон Гоген - создатели Порт – Артура / А. П. Иванова // Проект Байкал. – 2023. – № 2 (76) Регионы. окраины и центры – С. 86–93.
4. Тимченко-Рубан, Г.И. Нечто о Порт-Атуре и вообще об организации крепостной обороны / Г.И. Тимченко-Рубан. – СПб.: Типография главного Управления уделов, 1905. – 122 с.
5. Victor, L. Harbin to Hanoi: The Colonial Built Environment in Asia, 1840 to 1940 / L. Victor, V. Zatssepine. – Hong Kong: University Press, 2013.
6. Denison, E., Ren, G. Ultra-Modernism: Architecture and Modernity in Manchuria / E. Denison, G. Ren. – Hong Kong: University Press, 2016.

7. Oskanian, K. Russian Exceptionalism between East and West: The Ambiguous Empire / K. Oskanian. – Palgrave Macmillan, 2021.
8. Schorkowitz, D. Shifting Forms of Continental Colonialism Unfinished: Struggles and Tensions / D. Schorkowitz, J.R. Chavez, I.W. Schroder. – Palgrave Macmillan, 2019.
9. Cavanagh, E. The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism / E. Cavanagh, L. Veracini. – Routledge, 2017.
10. Veracini, L. The World Turned Inside Out: Settler Colonialism as a Political Idea / L. Veracini. – Verso, 2021.
11. Bailey, C.M.S. Comparative Colonialism : Russia in the North Pacific and Central Asia / C.M.S. Bailey // Journal of Inquiry and Research. – 2020. – V 112. – P. 109–123.
12. Иванова, А.П., Путилов, И.Д. Архитектура казарм Дальнего Востока начала XX века /А.П. Иванова, И.Д. Путилов //Архитектон: известия вузов. – 2022. – №2(78). – URL: http://archvuz.ru/2022_2/15/ – doi: 10.47055/1990-4126-2022-2(78)-15.
13. Сильницкий, А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на южно-Уссурийский край / А. Сильницкий. – Хабаровск, Типография Канцелярии Приамурск. генерал-губернатора, 1901. – 177 с.
14. Сквирский, Ф.Б. Солдатский слободки в Желтороссии. Царский план военной колонизации Манчжурии / Ф.Б. Сквирский // Вестник Манчжурии. Харбин. – 1930. – №4. – С. 14–16.

REFERENCES

1. Gornova, M.I. (2021). The Amur stronghold. Historical and landscape studies of the Nikolaev-on-Amur fortress, a monument of fortification art. Khabarovsk: Pacific State University (PSU) (in Russian).
2. Ivanova, A. (2022). Russian military engineers of Port Arthur. Project Baikal, 19(73), pp. 142–149. <https://doi.org/10.51461/pb.73.25> (access date: 11/04/2023) (in Russian).
3. Ivanova, A. (2023). Military engineers and A.I. von Gauguin are the creators of Port Arthur. Project Baikal, No. 2 (76), pp. 86-93 (in Russian).
4. Timchenko-Ruban, G.I. (1905). Something about Port Arthur and in general about the organization of fortress defense. Saint Petersburg. Printing house of the Main Administration of Appanages (in Russian).
5. Victor, L., Zatssepine, V. (2013). Harbin to Hanoi: The Colonial Built Environment in Asia, 1840 to 1940. Hong Kong University Press.
6. Denison, E., Ren, G. (2016). Ultra-Modernism: Architecture and Modernity in Manchuria. Hong Kong University Press.
7. Oskanian, K. (2021). Russian Exceptionalism between East and West: The Ambiguous Empire. Palgrave Macmillan.
8. Schorkowitz, D., Chavez, J., Schroder, I. (2019). Shifting Forms of Continental Colonialism Unfinished: Struggles and Tensions. Palgrave Macmillan.
9. Cavanagh, E., Veracini, L. (2017). The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism. Routledge.
10. Veracini, L. (2021). The World Turned Inside Out: Settler Colonialism as a Political Idea. Verso.
11. Bailey, C.M.S. (2020). Comparative Colonialism: Russia in the North Pacific and Central Asia. Journal of Inquiry and Research, V. 112, pp. 109-123.
12. Ivanova, A.P., Putilov, I.D. (2022). Architecture of the barracks of the Far East at the beginning of the twentieth century. Architecton: Proceedings of Higher Education, No. 2(78). Available from: http://archvuz.ru/en/2022_2/15/ – doi: 10.47055/1990-4126-2022-2(78)-15 (in Russian).
13. Silnitsky, A. (1901). Cultural influence of the Ussuri Railway on the South Ussuri region. Khabarovsk: Printing House of the Office of Priamursk Governor General (in Russian).
14. Skvirsky, F.B. (1930). Soldier's settlement in Zheltorossiya. The Tsar's plan for the military colonization of Manchuria. Bulletin of Manchuria, No. 4, pp.14-16 (in Russian).

© Иванова А. П., Чанади Г., Стельмакова Т. О., 2023



Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons "Attribution-ShareAlike" ("Атрибуция - на тех же условиях"). 4.0 Всемирная